

✦ Профессиональное кредо

А.А. ГУСЕЙНОВ, Ю.М. РЕЗНИК

ЭТИКА ФИЛОСОФА (В ПОРЯДКЕ ДИАЛОГА). Часть 2. О ПРИЗВАНИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЛОСОФА

Аннотация: Во второй части диалога Ю.М. Резника с А.А. Гусейновым обсуждаются вопросы о профессиональном и нравственном предназначении философа. Их интересует то, в чем состоит миссия философа. Является ли для него философия работой или образом жизни? При всём расхождении некоторых взглядов на роль философии в обществе участники дискуссии объединяет чувство общей ответственности за её судьбу. Они отмечают необходимость активного участия философов в делах общества. Однако это участие должно быть лишено политических мотивов и призвано прояснить основания деятельности субъектов, принимающих решения.

Авторы диалога размышляют также о возможности проектирования этики и морали. Они задаются вопросом: если мораль можно проектировать, то можно ли проектировать деятельность самого философа (специалиста по этике)? И кто этим занимается — наемные интеллектуалы правящего класса или особые идеологические структуры? Различие в позициях участников диалога проявляется и в разном толковании ими проблемы социального генезиса морали. Предметом их обсуждения стала и проблема профессионализма в философии. Кто вообще может называться философом, а кому дано быть хорошим интерпретатором философских текстов — исследователем или преподавателем философии? Что значит философствовать и мыслить философски? Какова идеальная модель общения между людьми, занимающимися философией?

Авторы высказывают свое мнение о преемственности в философии и философском сообществе. Они отмечают, что главное в работе с молодыми исследователями — не потерять талантливых и мотивированных на исследования людей. И еще один важный вопрос, который затрагивают участники дискуссии, это — возможно ли управление

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института философии РАН (Москва).

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество» (Москва).

исследованиями в области философии. Это особенно актуально звучит на фоне последних изменений в статусе Российской академии наук.

Abstract: *In the second part of the dialogue Yu. Reznik and A. Guseynov discuss the professional and ethical mission of philosophers. They are interested in defining of what is the mission of philosopher. Is philosophy a job or a way of life? Although the discussants differ in some of their views on the role of philosophy in society they share the sense of responsibility for its future. They point out the necessity of philosophers' active participation in the societal problems. However this participation must be devoid of political motifs and aimed at clarifying the grounds for the agency of the decision making subjects.*

The authors also reflect on the possibilities of ethical and moral designing. If the morals may be designed then can we also engineer the practice of philosopher (a specialist in ethics)? And who is to do this – the hired intellectuals of the ruling class or specific ideological structures? The differences in the authors' positions is also expressed in their different interpretations of the morals social genesis. They also discuss professionalism in philosophy. Who can claim to be a philosopher and who can only be a good interpreter of philosophic texts, that is, a researcher or an instructor of philosophy? What does it mean to philosophize and think philosophically? What is the ideal model of communication for philosophers?

The authors speak of the continuity in philosophy and philosophic community. They point out that the importance of not losing the most talented and scholarly motivated young researchers. One more crucial question touched upon by the discussants is the possibility of management in philosophic inquiry. This is particularly urgent in the context of the latest changes in the status of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: философия, этика, культура, мораль, нравственность, индивидуальная этика, социальная этика, призвание философа, философский образ жизни, профессионализм в философии, проектирование морали, молодое поколение, научная бюрократия.

Keywords: *philosophy, ethics, culture, morality, individual ethics, social ethics, applied ethics, philosopher's mission, philosophic way of life, professionalism in philosophy, design of morality, young generation, scholarly bureaucracy.*

Ю.М.: *Абдусалам Абдулкеримович! В уже цитируемой мною статье отмечается: «... Есть философская этика и есть этика философии. Первая объективирована, существует как рационально аргументированная программа, вторая совпадает с философствующим субъектом, его этосом» [1, 25]. С этим трудно не согласиться. Далее Вы подчеркиваете, что «любовь выступает родовым определением философии и отличительным признаком философа» [1, 25]. И это – не только страсть и стремление к прекрасному, но и активное, деятельное стремление. А в самом начале статьи приводится разграничение трех образов жизни человека, которое приписывают Пифагору: чувственный, деятельный и созерцательный. Именно последний из них считается высшим, и его, как Вы указываете, культивируют философы.*

Если это так, то как бы Вы объяснили следующее противоречие: философия есть любовь к мудрости; и как всякая любовь она есть активное и деятельное отношение субъекта к предмету своей страсти; в то же самое время философия (и философ) проповедует созерцательный образ жизни, что исключает деятельную позицию субъекта философского познания. Так что же все-таки для философа важнее – быть созерцателем, проникать в тайны бытия, или занимать деятельную позицию во всем, что касается выдвигения и реализации всеобщих проблем, в т.ч. его собственных.

А.А.: Действительно считается, что Пифагор первым выделил три образа жизни: чувственный, деятельный и созерцательный. Из них согласно представлению древних третий свойствен философам, точнее даже, совпадает с философией (кстати, к Пифагору же традиция возводит введение этого слова и термина). Вы видите противоречие между любовью к мудрости как деятельным отношением к миру и созерцательным состоянием. Такое представление может возникнуть из-за того, что второй образ жизни назван деятельным, отсюда делается заключение, будто два других (в особенности третий: созерцательный) являются формами пассивности. На самом деле то, что названо деятельным образом жизни, можно было бы назвать (и даже лучше назвать) практическим, имея в виду, что практическое отношение тождественно нравственному.

Речь идет о трех образах жизни (не образах мысли, а образах жизни!), и все они в этом качестве представляют собой активное, деятельное состояние и отношение к миру. Они отличаются между собой не по критерию деятельности/бездеятельности, активности/пассивности (хотя характер и

мера активного, деятельно-преобразующего начала в них выражена неодинаково), а по тому, на что направлена эта деятельность и активность. В одном случае она направлена на удовольствия, собственную выгоду, во втором случае на общественный успех, на то, чтобы выделиться среди других, в третьем — на понимание, интеллектуальное наслаждение. Это различие хорошо передается на примере пифагоровой классификации тех, кто приходит на Олимпийские игры: одни приходят, чтобы что-то купить или продать, другие — принять участие в соревнованиях, третьи — смотреть. Те, кто смотрят, тоже активны, но активностью особого рода: они видят приниженность занятий первых, видят дерзость вторых, которые стремятся победить других, таких же дерзких, как они. Вторых, конечно, они ценят выше, чем первых. Но им самим этого мало, они хотят померяться с миром в целом и быть сильными его силой.

Мне очень нравится понимание философии, которое развил в своих трудах Пьер Адо. Он рассматривал философию как образ жизни, имея в виду прежде всего античную философию (именно такой взгляд развивается в его замечательной книге «Что такое античная философия?»), но не только ее. Философия, по его мнению, является образом жизни не в своих политических, нравственных и иных приложениях, а в качестве теории. Само философствование есть в то же время род духовной практики. Более того, он убедительно показывает, что тексты древних философов можно правильно понять только в том случае, если их рассматривать в качестве личностно формирующей силы, с учетом коммуникативного аспекта, в котором они возникли и обрели действительность. Понимание теории, созерцания как подлинного блаженства лишь конкретизирует взгляд на философию как любовь к мудрости.

Философия как философия, как теория, как созерцание — это в высшей степени активное состояние человека, развернутое и реализованное в активности его мышления, разума. Она доходит в познании, постижении мира до участливого отношения к нему, такого отношения, которое преобразует того, кто познает, постигает его. Это именно любовь к мудрости, если мы понимаем под любовью самоотверженную готовность поставить себя на службу тому, кого любишь. К сожалению, у нас сложилась языковая и ментальная традиция инструментального подхода к разуму, как если бы его задача состояла в том только, чтобы обслуживать витальные по-

требности и социальные интересы человека. Философия поднимает разум на такую высоту, когда он выступает самоценной формой жизни; она самым серьезным и ответственным образом подходит к тому факту, что человек есть разумное существо, и что он является таковым не во вторую, третью и т.д., а в первую очередь. Ко всем имеющимся определениям философии можно добавить, что она является также особой антропологией, согласно которой жить — значит мыслить.

Словом, чтобы понять философию как практически действенную силу нам не надо выходить за ее собственные рамки. Ведь и Маркс в своем знаменитом 11-ом тезисе о Фейербахе не говорил об этом. Он говорил, что нельзя останавливаться на философской точке зрения, что человеческая практика шире философии, но это вовсе не означает, будто философия находится вне практики. И если мы вспомним его же (марксово) высказывание о том, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами, то мы лучше поймем, что практика философа состоит в философствовании.

Ю.М.: Возможно, Вы правы. И созерцание такой же вид познавательной активности, как и другие. Только я, если расширить контекст нашей беседы, не стал бы идеализировать философию, приписывая ей свойство «сеять разумное и вечное». Философы несут и этическую ответственность за происходящее. Их миссия — производство смыслов, значимых для данной эпохи, страны, людей. Но есть среди них и такие, кто открыто пропагандирует человеконенавистнические идеи. Я имею в виду тех мыслителей, кто идейно поддерживал тоталитарный режим (псевдомарксистская идеология), нацизм, экстремизм и расизм.

Думаю, что нынешняя непопулярность отечественной философии связана с ее идейной беззубостью и молчаливым согласием с бюрократическим беспределом, творящемся на фоне политической и гражданской пассивности большинства населения страны. Многие официальные представители академического, в т.ч. философского сообщества предпочитают делать вид, что ничего не происходит или что власть их не слышит, а, следовательно, все усилия бесполезны. Ни это ли признание гражданской незрелости, профессиональной несостоятельности и непрактичности российской философии?

Я отношу это и к самому себе. У меня в последние годы сформировалось блокадное сознание. Я физически ощущаю осадное положение, в котором сегодня оказалась интеллигенция. На нее идут гонения со всех сторон — бюрократии, воинствующих обывателей и т.д. Власти нужны наемные интеллектуалы, готовые выполнять любые заказы, а не лучшие представители интеллигенции, способные предложить собственное видение и решение национальных проблем. Последних отличает четкая мировоззренческая позиция, социальное участие и чувство собственного достоинства. Нынешняя интеллектуальная элита либерального толка, обслуживающая интересы высшей власти, навязывает стране губительный курс.

А.А.: Вы хотите сказать, что философы должны быть также активными гражданами, откликаться на животрепещущие события, быть критичными (добавлю: акцентировано критичными!) по отношению к властям, к обывателям, к существующим формам жизни. Кто будет спорить?! Весь вопрос в том, как это подобает делать философу. Делать ли это на манер наших публичных людей («лучших представителей интеллигенции», как Вы выражаетесь), которые заполнили собой СМИ и, откликаясь на злободневные события политической, общественной, культурной жизни, учат нас уму-разуму, как если бы сами точно знали, что правильно, а что нет?

Сейчас я не говорю о том, нужны ли вообще такие «дежурные» по стране, которые комментируют и оценивают едва ли не все события. Их, кстати заметить, удачно прозвали «говорящими головами». Это не дело философов, хотя, разумеется, люди, занятые в области философии (например, доктора философских наук), также могут выступать в такой роли. Мало ли чем могут заниматься специалисты в области философы, они могут рыбачить, могут играть в футбол и т.д. Но это все они делают не в качестве философов. Философская критика действительности имеет иную природу, она добирается до самих основ жизни.

Что увидели древние философы с высоты своего идеала созерцательно образа жизни? Они увидели глубинную неразумность и несправедливость того «пещерного», развратного, бездумного существования, которую ведут афиняне. Когда Диоген Синопский поселился в бочке (важная деталь: в бочке, которая находилась на площади), то это была именно философская критика практики, ориентированной на ложные ценности.

Если Вы хотите сказать, что философия должна жалить, но она в нашем случае (сегодня в России, да и не только в ней) этого не делает, что она смирилась с установившимся в стране антинародным, бесчеловечным строем, с буржуазной пошлостью и отупляющей агрессивностью массовой культуры, то я с Вами согласен. Единственное, что я хочу сказать: философия смирилась с этим по той причине, что у нее сегодня нет той созерцательной высоты, с которой только и можно увидеть ложь и опасность нашего сегодняшнего существования.

Ю.М.: Но вернемся к теме нашей беседы. До сих пор мы вели с Вами разговор об этике как философской дисциплине. В одной из своих книг Вы пишете, что «Этика также обязана предложить свою собственную модель нравственности: философво-моралистов в данном отношении можно уподобить архитекторам, профессиональное призвание которых состоит в том, чтобы проектировать новые здания». Но кто тогда будет проектировать саму этику? Ведь сами этики (особенно прикладные) заняты проектированием морали или нравственности.

Я допускаю, что наряду с другими направлениями метафилософии (или философии) может существовать (а, возможно, уже существует) **философия этики**. Если предположить, что предметом такой философии являются этические проекты прошлого и настоящего, то что бы Вы сказали вкратце о состоянии, качестве и степени реализованности отечественных проектов по этике. Соответствуют ли они запросам нашего общества? Какие критерии организации и оценки эффективности подобных проектов Вы бы предложили в свою очередь?

А.А.: Честно признаться, я не очень понимаю вопрос в чисто методическом плане. Я говорю, что этика проектирует мораль (т.е., исследуя мораль, одновременно выявляет ее адекватную с точки зрения исследователя модель, к примеру, дает более строгую формулировку моральных добродетелей и норм), как архитектор проектирует здание. Вы спрашиваете, а кто проектирует этику и этика. А кто проектирует архитектора? Кто проектирует мораль, тот и проектирует этику и этика. Здесь субъектность задается действием, как, впрочем, всегда (в случае всех действий, форм деятельности) и происходит. Возможно, смущение вызвало сравнение с архитектором. Можно было бы сравнить с ученым-естествоиспытателем; ведь физик, исследуя физическую природу, одновременно моделирует ее, создает некий идеально-математизированный образ. Не будем же мы спрашивать, кто моделирует физика? Ко-

нечно, соотношение этики как сферы знания и морали как изучаемой ею предметной области имеет некую специфику, но, тем не менее, в целом оно остается в пределах общих закономерностей соотношения науки и ее предмета.

Вопрос об этике и этиках становится проблематичным, когда нам надо выяснить их место в общем контексте человеческих занятий. В этом случае действительно следует задуматься, обязательно ли философия должна завершаться этикой и обязательно ли познание морали требует философского подхода к ней? Если отвечать предельно кратко, я бы сказал так. Философия обязательно должна доводить свое понимание мира до формулирования этико-нормативных программ, она должна делать это по той причине, что она (философия) является образом жизни и возникает в рамках человеческого стремления к совершенству, является своего рода этическим проектом. Говоря по другому, философии вне этики не существует, она не то, что не полна без этики, а просто невозможна. Мораль в свою очередь включает в себе такие особенности, которые могут быть осмыслены только в рамках философского взгляда на мир. И если можно говорить о научной этике, то таковой она становится именно в качестве философской. Впрочем, обо всем этом мы уже говорили в прошлой беседе.

К сожалению, пути философии и этики в наше время все более расходятся. С одной стороны, новейшие философские учения не доводят свой анализ до формулирования нормативно выраженных этических программ. К примеру, в отличие от Канта, встряхнувшего общество своим категорическим императивом, или от Спинозы, развивающего этику созерцательного блаженства, великие философы нашего времени (Виттгенштейн, Хайдеггер и др.) вообще не отвечают на вопрос, что я должен делать. Они не отвечают на него даже тогда, когда пишут специальные книги по этике, как, например, «Оправдание добра» В.С. Соловьева, «Принципы этики» Дж. Мура, «Формализм в этике и материальная этика ценностей» Макса Шелера.

Складывается впечатление, что философия уже не желает быть школой мудрости или во всяком случае свою мудрость видит в том, чтобы не быть таковой. В той же мере, в какой университетская философия вынуждена заниматься проблемами этики, она остается в рамках старой дилеммы утилитаризма и кантианства, которая в качестве дилеммы не представляет уже никакого живого интереса и годится только для схоластических упражнений. С другой стороны, существуют хорошо продуманные и в своих нормативных выводах ясно выраженные этические учения, как, например, этика ненасилия Л.Н. Толстого или этика благоговения перед жизнью Альберта Швейцера, которые возникли и обитают вне магистральной линии философского развития. Этот разрыв философии и этики, на мой взгляд, отрицательно сказывается на них обеих, в результате чего складывается ситуация чем-то напоминающая ту, которая знаменовала исход древнего мира, когда философия все более замыкалась в саму себя, становилась элитарным занятием, а возникающая новая христианская этика вела подпольное, маргинальное существование.

Ю.М.: И все же вопрос о том, кто проектирует этику (и мораль), я не считаю риторическим или праздным. Дело не только в размежевании философии и этики. Это лишь следствие такой политики проектирования, при которой этическая сторона подменяется коммерческой или иными суррогатами нравственности. Вспомните известное выражение: «Ничего личного. Это — бизнес». Этими словами люди зачастую оправдывают предательство, алчность и просто бездействие. Неэтичный бизнес, безнрав-

ственная политика — это реалии наших дней, хотя Вы можете возразить, и сказать, что мораль бывает разной.

Тот, кто проектирует этику как философскую практику (философы), не всегда проектируют мораль в социально-политическом плане. Адептам идеологии правящего класса нужна своя мораль, отличная от той, которую исследуют философы. В лучшем случае — это своего рода «моральный кодекс строителя капитализма», а в худшем — некий опасный гибрид. Увы, чего греха таить, но и значительная часть философов участвует в создании подобной этической картины мира.

Конечно, меня легко можно упрекнуть в том, что я придерживаюсь классового подхода в понимании и проектировании морали, хотя я далек от мысли, что где-то в тиши кабинетов сидят наемные интеллектуалы и готовят по заказу соответствующих структур этические проекты для народа, а затем распространяют их через подконтрольные им СМИ. Но дело в том, что и с классами, их идеологиями в нашем обществе не всё так просто. Ни марксистская теория классов, ни классическая концепция социальной стратификации не позволяют в полной мере построить достоверную модель его социальной структуры. Но оставим это занятие социологам.

Одно для меня очевидно, мораль (как систему поведенческих координат) не всегда выбирают, а чаще всего её усваивают вместе с молоком матери или принимают как должное, находясь в определенных социально программируемых условиях. Мне трудно представить себе нравственный выбор подростка, чье детство прошло в семье террориста или окружении крупного криминального авторитета. Разумеется, я не исключаю такого выбора, а лишь указываю на проблемную ситуацию.

А.А.: Разумеется, среда навязывает свои моральные представления. Правящий класс навязывает. В разных формах, часто очень изошренных и срытых происходит такое навязывание. Я бы даже усилил Вашу мысль, сказав, что общество навязывает себя людям с такой же жесткостью и неотвратимостью, как и природа. И если Вы называете это проектированием, то да, такое проектирование существует. Но весь вопрос в том, остается ли при всем этом «проектировании» зона индивидуальной ответственности, в которой действующий индивид является субъектом, демиургом и в которой все зависит от него и только от него. Вот это и есть область морали и этики. Иначе человек в качестве моральной величины ничем не отличался бы от человека в качестве величины физиологической, социологической, психологической, технологической и т.д.

Ю.М.: Абдусалам Абдулкеримович! Могли бы Вы в общих чертах описать модель идеального («настоящего») философа? Если использовать часто упоминаемую Вами модель или образ идеального философа, сформированную еще Платоном, то каким нравственным критериям должен соответствовать, с Вашей точки зрения, современный философ?

А.А.: Идеалом философа, как правило, считался Сократ. В этом отношении ничего не изменилось. Разве что современные философы стали еще дальше от этого идеала, чем их великие предшественники. Две особенности Сократа сделали его синонимом философа и философии: он считал идеальной свою теорию, согласно которой добродетель есть знание, и неидеальным самого себя, утверждая, что вся его мудрость сводится к знанию того, что он ничего не знает.

Ю.М.: Вы часто, цитируя Платона или Аристотеля, говорите о том, что в философе есть нечто божественное, не от мира сего, что делает его душу бессмертной. Что, на Ваш взгляд, делает философа моральным субъектом, претендующим на куль-

тивирование вечных ценностей? Кого из современных отечественных специалистов по философии Вы бы назвали «настоящими» философами, которые внесли свой вклад в «вечность» и тем самым стали бессмертными?

А.А.: О божественности философа можно говорить в ироничном смысле, имея в виду, что он интересуется абстрактными, далекими от повседневных нужд вопросами — витает в небесах. Можно — в переносном смысле, так как он зрит мир умом, который является высшей и лучшей частью человеческой души. Но можно видеть в этом образное выражение того дела, которым занимается философ — ведь он в постижении мира стремится дойти до самих его оснований, пределов, первых принципов, чтобы исходя из них заново сконструировать его в мысли, как если бы он был богом.

Кто-то сказал, что философ живет в мире, который сам творит. Замечательно сказано. И точно. Именно эта готовность и решимость жить в созданном им самим идеальном мире и делает философа моральным субъектом. Индивида делает моральным субъектом то обстоятельство, что он смотрит на свои поступки и жизнь в целом в идеальной перспективе, понимая, что это его поступки и его жизнь и, что в них и через них он творит мир таким, каким бы хотел его видеть. Когда философ не хочет селиться в мире, который он создал, то значит, он создал что-то не то.

Оценивать современных философов, говорить, кто из них настоящий, а кто нет, — занятие с нравственной точки зрения сомнительное, а делать это от имени вечности — еще и глупое.

Ю.М.: *Хорошо, опустим последнюю часть вопроса, коль скоро она содержит намек на глупость. Однако это не отменяет вопроса о «настоящести» философии и философов. Настоящим я условно называю человека, который следует своему призванию, а не моде (или ожиданиям окружающих), занимается глубоко и серьезно своим делом, приносящим пользу людям, а не пытается подстраиваться под обстоятельства в краткосрочной или долговременной перспективе, соизмеряет свои поступки с голосом собственной совести. Как видите, при таком понимании проблема настоящести имеет вполне нравственное звучание. С этой точки зрения, настоящими были все мыслители прошлого, которые, несмотря на трудности и препятствия, продолжали заниматься философией, отдавая служению ей всего себя. И главное — они внесли заметный вклад в развитие философской мысли.*

А.А.: Вслушайтесь в Ваши слова: «Настоящим я условно называю человека, который следует своему призванию, а не моде (или ожиданиям окружающих), занимается глубоко и серьезно своим делом, приносящим пользу людям, а не пытается подстраиваться под обстоятельства в краткосрочной или долговременной перспективе, соизмеряет свои поступки с голосом собственной совести». С ними согласится любой человек. Но как Вы определите, кто из живущих ныне философов, из наших с Вами коллег, например, соответствует этим критериям, а кто нет? Я не знаю, как это сделать и не знаю людей, кто мог бы это сделать. Вот Министерство наше пытается это сделать, да только по его критериям выходит всё не то.

Ю.М.: *Абдусалам Абдулкеримович! Идея дух этик пронизывает всё Ваше творчество (по крайней мере, на протяжении последних лет). Как соотносятся между собой индивидуальная и социальная этики в повседневной жизни и деятельности философа? Признаете ли Вы за своими коллегами в институте право на отстаивание собственной автономной позиции, если последняя противоречит положениям социальной этики, утвержденной в нормативных документах и господствующем мнении академического сообщества?*

Можно ли сегодня в отечественной философии занимать позицию стоического мудреца? Знаете ли Вы подобные примеры, пусть даже приближенные к современным реалиям?

А.А.: Каждый из трех заданных Вами вопросов состоит из нескольких подвопросов, требующих специального рассмотрения. Ответ на них требует длинного разговора, выходящего за заданные жанром журнальной беседы рамки. В самом деле, в первом вопросе Вы спрашиваете о соотношении индивидуальной и социальной этик применительно а) к повседневной жизни и б) к деятельности философа. Это разные случаи. А если учесть, что само соотношение индивидуальной и социальной этики не является чем-то очевидным и требует специального рассмотрения, то мы здесь имеем три разные темы. Все их не охватить, остановлюсь поэтому на одной — самой общей.

Когда мы говорим об индивидуальной и социальной этике, то под словом «этика» подразумевается не наука, а мораль. Ведь термины «этика», «мораль», «нравственность» в живом языке являются взаимозаменяемыми. В исследовательской литературе также не всегда выдерживается различие между ними, в том числе различие между этикой как областью знания и моралью (нравственностью) как предметом ее изучения, относительно которого среди специалистов в целом существует согласие. Речь, таким образом, идет об индивидуальной и социальной (лучше сказать: общественной) морали, т.е., о морали в ее индивидуальной и общественной выраженности и представленности. Общеизвестный и очевидный факт состоит в том, что мораль существует как совокупность добродетелей (личностных моральных качеств) и общественных норм. Не вызывает также сомнения, что эти два аспекта морали, две формы ее бытования связаны друг с другом, влияют друг на друга, переходят друг в друга, можно даже сказать, закольцованы между собой. Спорный вопрос, за которым стоит реальное жизненное напряжение, состоит в следующем: что является в этом взаимодействии исходным и основополагающим началом, или, выражаясь иначе, кто является субъектом морали — индивид (личность) или социум (общество)?

В нашей учебной литературе до настоящего времени можно встретить определение морали как совокупности норм, правил поведения, которые общество предъявляет личности. При таком понимании мораль сводится сугубо к идеологии, чтобы не сказать, демагогии. Достаточно спросить: если мораль — это требования, которые общество предъявляет к личности, то кто в обществе имеет право, компетентен говорить от имени морали? Таких людей не существует; еще Сократ с Протагором сошлись в признании того, что не может быть и не нужны особые учителя добродетели наподобие учителей математики, пения или гимнастики, хотя в понимании самой добродетели они расходились диаметрально.

Действительно специалистов, уполномоченных представлять общество в вопросах морали, не существует, их не было тогда, нет и сейчас. Слава богу, до министерства морали пока не додумались. Мораль — это область поступков, она охватывает поступки в той части, **в какой** они зависят, находятся в полной власти самого действующего индивида. Она фиксирует то несомненное обстоятельство, что любому поступку человека как сознательного существа предшествует решение совершить его и здесь, на стадии решения, поступок целиком находится во власти личности, и она ответственна за него.

Личность ответственна за факт поступка, за то, что именно она совершает его. Мораль является способом *индивидуально ответственного существования в мире*. Это вовсе не значит, что мораль дает человеку право действовать так, как ему заблаго-

рассудится. Наоборот: она обязывает его действовать так, как если бы он сам своими поступками создавал этот мир. Так, чтобы его поступки могли быть развернуты во всеобщие нормы. Уместно напомнить, что Кант, который формулировал непрекаемый нравственный закон, выступающий в качестве безусловного долга, подчеркивал, что он, этот закон, и реализующий его безусловный долг являются автономией воли, что нравственный субъект подчиняется своему и вместе с тем всеобщему долгу. Словом, нравственность обязывает человека действовать ответственно. И именно в этом качестве она приобретает общественную значимость, становится незаменимым элементом общественного целого. Мораль оказывается действенной общественной силой в зонах *личностного присутствия*, там, где требуется четко выраженной *личностная позиция*.

Отсюда — ответ на второй Ваш вопрос, точнее, на вторую группу вопросов. Один из довольно известных православных публицистов однажды высказался в пользу православного терроризма. В ответ на упрек, согласно которому такая позиция противоречит христианской этике, он сказал, что это его личная позиция, а как священник он против терроризма. Такое расхождение функционального поведения и поведения личного — довольно типичное явление в современном обществе; существуют также разнообразные попытки его теоретического обоснования и оправдания. Оно, с моей точки зрения, является несомненным свидетельством нравственной ущербности и человеческой психологии, и общественного устройства, порождающих эту двойную моральную «бухгалтерию».

Считается, что системное, функциональное поведение, которое диктуется логикой дела, санкционировано внешними предписаниями (законами, обычаями, приказами, инструкциями и т.д.) и личное поведение, которое определяется собственным выбором человека — это разные вещи, что расхождение между ними — вещь нормальная. И далее следует вывод: функциональная корректность и легальность поведения является также его моральным оправданием. Такой взгляд размывает, я бы даже сказал, коррумпирует нравственную ответственность личности, которую нельзя скрыть, прикрыть никакими внешними предписаниями — законами, нравами, здравым смыслом и т.п.

Сама идея морали и моральной ответственности человека состоят в том, что они автономны, даны до и независимо от всех других детерминирующих поведение факторов. В данном вопросе я придерживаюсь позиции М.М. Бахтина, который говорил, что человек нравственно ответственен за факт поступка, а не за его содержание, и что, следовательно, все совершаемые им поступки входят в сферу нравственной ответственности и могут быть вменены ему в вину. Эту свою идею он выразил в блестящем афоризме, который я не устаю повторять: «Меня обязывает не содержание обязательства, а моя подпись под ним». В самом деле, каким бы детерминированным поступком ни был (а каждый из них всегда имеет свои вполне необходимые и достаточные основания, чтобы быть совершенным), тем не менее, фактом, т.е., поступком данного конкретного человека он становится только тогда, когда он, этот конкретный человек, решил совершить его. Вот Вам и мой ответ на вопрос, признаю ли я в качестве директора за сотрудниками Института «права на отстаивание своей автономной позиции».

Если Вы проанализируете деятельность дирекции под этим углом зрения, то увидите, что все направлено на то, чтобы поддерживать автономию научного сотрудника и в том, что касается режима его работы и в том, прежде всего, что касается

тематики и содержания его исследовательской работы Правда, в нашем случае это легко делать, так как сам философский труд является сферой человеческой автономии. Какие-то компромиссы, ограничения, связанные с организацией жизни Института как целого, здесь также требуются, но они, как правило, не заключают в себе большого драматизма. Честно признаться, не помню ситуации, когда мне на посту директора пришлось, как говорится, наступать на горло собственной песне.

Видимо, Вы спрашиваете о стоическом мудреце не в буквальном смысле, а в фигуральном, имея в виду внутренне свободное отношение к перипетиям жизни и автономию интеллектуально-нравственной позиции. Если так, то я из философов, которых близко знал, назвал бы Александра Александровича Зиновьева. О его отношении к жизни, которое он сам выразил в утверждении «я есть суверенное государство» я рассказал в специальном посвященном ему очерке. Мне кажется еще, что Владимир Вениаминович Бибахин также жил интеллектуально напряженной внутренней жизнью при заданных судьбой обстоятельствах, но совершенно независимо от них. Хотя его я близко не знал — только как сотрудника Института.

Вообще-то не существует какого-то одного образца жизни философа. Последняя может быть различной, как различны сами философии. Но ей как минимум свойственно то, что философ живет в своей философии и ею. Для философа, как я думаю, мыслительная деятельность, имеющая своим предметом философские вопросы (а в строгом смысле только они и могут быть ее предметом), приобретает витальное значение, становится родом удовольствия. Если говорить о коллегах по Институту, среди которых много выдающихся специалистов, то я бы выделил в качестве признака адекватного призванию образа жизни ответственное отношение к текстам, их количеству и качеству.

Ю.М.: Относительно индивидуально-личностной сущности морали спорить не буду. Вам как специалисту виднее. Вопрос лишь в том, откуда у человека берутся представления о том, что должно и, что не должно делать, как не из культуры, из которой он черпает те самые «нормы», «правила поведения» и пр. Возможно, мой вариант покажется Вам наивно-упрощенным, но не лучше ли предположить, что у морали имеется два источника — с одной стороны, культура, ее традиции и нормы, с которыми человек сверяет свои помыслы и поступки, и, с другой стороны, основанное на выборе «индивидуально ответственное поведение личности в мире».

Иначе как объяснить, что в нашем с Вами научном окружении существуют люди с диаметрально противоположными позициями по многим нравственным позициям. При этом одни из них (назовем их условно «государственниками») отстаивают национально-государственные интересы, считая их приоритетными по отношению к индивидуальным ориентациям, а другие («индивидуалисты») — настаивают на примате личных или индивидуальных интересов перед институциональными требованиями. Их этические проекты социально и культурно обусловлены, и каждый из них имеет право на существование. Можно, конечно, всё списать на идеологию, но как без нее обойтись.

Еще одно. Вы неоднократно высказывались по поводу ответственного отношения к текстам, их количеству и качеству. Это — сложная проблема. Ведь по большому счету писать философские тексты, соответствующие классическим образцам, могут единицы. И это — особый дар, которым обладают немногие. Большинство же сотрудников академических учреждений — крепкие «среднячки». Кто-то из них лучше владеет устным словом и ораторским искусством, кто-то умеет профессионально состав-

лять тексты. Ведь, кроме философской эрудиции, необходим еще творческий потенциал, а он у всех разный.

История науки учит нас тому, что все оригинальные тексты ценны своим авторским стилем и, безусловно, новизной предлагаемых идей. Но труднее всего оценивать их с точки зрения качества. Кто может этим заниматься – экспертная комиссия? Но у нас до сих пор не сложился институт социальной или научной экспертизы. К тому же комиссии, которые я знаю (а в одной из них работаю в нашем институте), состоят из людей, имеющих субъективные пристрастия. А людей с экспертной культурой крайне мало.

На мой взгляд, в сложившейся ситуации лучше всего положиться на естественный отбор и мнение философской общественности, которое выражается, в частности, в результатах цитирования. Я убежден, что качество текстов автора выражается в их оригинальности, а о последней мы можем судить, в частности, по цитируемости его работ. На сегодняшний день нет совершенных и даже оптимальных среди имеющихся систем оценки результативности философских и научных исследований. Об этом свидетельствуют и данные исследования наших коллег [1].

Если же опираться на базу РИНЦ, то в нашем институте безусловными лидерами по показателям публикационной активности являются те научные сотрудники, которые пользуются заслуженным авторитетом среди коллег. По данным сайта www.elibrary.ru на текущий момент в первую десятку наиболее цитируемых авторов, имеющих высокий индекс Хирша, входят В.С. Степин (2807 цитирований / индекс Хирша 9), Е.Н. Князева (2037/10), П.П. Гайденко (1207/5), В.А. Лекторский (1113/10), П.С. Гуревич (1074/3), В.Г. Федотова (1068/9), В.М. Розин (938/9), А.А. Гусейнов (902/6), Н.И. Лапин (850/11) и др. Не это ли свидетельство высокой научной мобильности и профессиональной активности этих коллег? Конечно, этот список неполон, и далеко не все авторитетные исследователи ИФ РАН в нем представлены в полной мере. И все же он дает некоторые основания для анализа результативности философских исследований. Вряд ли Вы будете это отрицать. А насколько количество публикаций соотносится с их качеством судить не нам, а читателям. Если они неоднократно цитируют того или иного автора, значит его работа пользуется признанием.

А.А.: Тут мне нечего сказать. В приведенном Вами списке цитируемых авторов я вижу только один недостаток – там нет Ю.М. Резника, если, конечно, Вы сами по присущей Вам скромности не опустили эту фамилию.

Ю.М.: *И здесь мы вплотную подошли к главному вопросу – профессионализм в философии. Ведь в определенном смысле каждый человек – философ. Философствовать для него – это значит не только любить мудрость, но и любить жизнь во всей ее полноте и наилучших проявлениях. Потому что жизнь и есть настоящий учитель и мудрец. Она всегда сложнее наших представлений о ней, даже самых глубоких и философических.*

Что Вы считаете критериями профессионализма в философии? Парадокс ситуации заключается в том, что не каждый специалист по философии является философом. Кто же такой профессиональный философ? Это – (1) человек, профессионально занимающийся философией и имеющий, как правило, университетское философское образование; (2) человек, создающий философские труды, сочинения, имеющие известность в научной среде; (3) мыслитель, положивший начало собственной философской школы или направления, пользующийся заслуженным признанием философской общности; (4) человек, для которого философия стала образом жизни и способом мышления; (5) человек, увлекающийся философией, посвящающий ей всё свое свободное время.

У одного человека редко сочетаются эти признаки. Но именно таким был упоминаемый Вами В.В. Бахтин. Ему, насколько я знаю, удалось это сделать и доказать собственным жизненным примером.

Но многие ли преподаватели и исследователи в области философии подходят под эти признаки? Во-первых, большинство сегодняшних преподавателей философии в отечественных вузах не имеют базового **философского образования**, поскольку факультеты и отделения философии стали расширяться и развиваться в количественном плане только в последние 10-15 лет. Поэтому получить такое образование (а не просто защитить диссертации по философии) могли в прежние времена далеко не все преподаватели.

Во-вторых, пишут сегодня все или почти все исследователи и преподаватели, работающие в области философии. Причем пишут иногда больше, чем сами читают философские тексты. Беда лишь в том, что, на мой взгляд, оригинальных философских трудов от этого становится не больше, если не меньше (даже по сравнению с предыдущей, советской эпохой). Столь же плачевное состояние большинства статей по философии в рецензируемых журналах. На первый план выходит **этика добросовестности и политика журналов в отношении плагиата**. Мы у себя в журнале вынуждены ввести примерные требования к содержанию и качеству статей по гуманитарной проблематике. Среди них — обращенность к анализу или осмыслению предельных оснований бытия, дискурсивность и наличие культуры вопрошания в тексте, актуальность статьи и резонирование с духом нашего времени, личностная включенность в обсуждаемые проблемы.

В-третьих, следует признать, что среди самой талантливой части нашего философского сообщества преобладают в основном одиночки. Лично я знаю многих таких людей. Они — лидеры содержательного характера. Но для **организации собственного направления**, группы или тем более школы им не хватает качеств лидера-организатора. Таких лидеров среди наших философов немного. Но я, надеюсь, что они еще проявят себя. Как Вы думаете?

В-четвертых, я полагаю, люди, которые ведут **философский образ жизни** — большая редкость в нашем сообществе. Да и само понятие «образ жизни» необходимо еще уточнить. Чаще всего оно определяется как устоявшаяся форма бытия человека в мире, которая проявляется в типических и специфических чертах его деятельности и представлений, характерных для определенной социальной группы. Похоже, что типические черты деятельности представителей философского сообщества мало чем отличаются от тех же характеристик других отрядов исследователей и ученых. Труднее всего выявить специфические особенности образа жизни философа. И здесь одного лишь указания на созерцательность недостаточно. В словаре термин созерцательность определяется как «пассивное восприятие познаваемой действительности без активного воздействия на нее (в философии)». Не раскрывает содержание философского образа жизни и такие признаки, как рефлексивность и ценностное отношение к познаваемой действительности.

Может быть, Вы предложите некоторые аргументы в пользу обоснования особого образа жизни философа?

И, наконец, в-пятых, философом является тот, кто **увлекается философией**, посвящая ей свободное время. А это — достаточно не строгий показатель. Ведь философией увлекаются и интересуются многие люди. Среди них выделяется группа самодельных или дилетанствующих «философов». Как известно, дилетант занимается философией как интеллектуальной игрой. Для него важна, прежде всего, сама игровая

ситуация. Однако он играет в философию с другими людьми для того, чтобы в процессе общения на философские темы прояснить собственные смысложизненные основания. Философия выступает для него инструментом самосовершенствования. Для действующего же исследователя философия – не игра, а сама жизнь или дело его жизни, которому он посвящает всего себя без остатка. Он занимается философией постоянно, а не время от времени, когда придется.

Наверное, у Вас имеются свои соображения о профессии философа. И может нам удастся создать в общих чертах профессиональный портрет философа. Ведь это так важно для тех, кто только вступает на ниву философии и еще не принял окончательное решение.

А.А.: Вы предложили развернутое представление о том, кто является философом. Мои соображения более скромны. Их всего два.

Первое: вопрос о том, что такое философия (а соответственно и кто может считаться философом), является одним из постоянных тем самой философии, как, впрочем, и около философских кругов, и он остается открытым. Никаких общезначимых и строгих решений и критериев здесь нет.

Второе: следует различать между философом (Философом с большой буквы, если хотите) и профессором/исследователем философии. Одним из первых, насколько я знаю, такое различие провел Ницше, различив философов и работников философии, хотя по факту оно существовало издревле. Первые – философы – создают свои учения, вторые рассказывают о них (изучают, исследуют, популяризируют и т.д.). Различие здесь такое же, как, например, между поэтом и литературоведом/литературным критиком. И оно, это различие, огромно, оно является качественным. Одно дело Диоген Синопский и другое – Диоген Лаэртский, одно дело Гегель и другое – Куно Фишер, одно дело Хайдеггер и другое – Игорь Михайлов. Конечно, здесь могут быть перекрещивания, философ может быть также профессором философии, в особенности в последние два столетия, когда профессиональная философия нашла прибежище в университетах. Но, тем не менее, это качественно разные роды деятельности. Между ними много различий, одно из которых для нас особенно важно.

Философ – это призвание. Профессор/исследователь философии – это профессия. Как, почему и откуда появляются философы, не знает никто; это требует какого-то особого дарования, как, например, поэтическое или музыкальное искусство. Повлиять на появление философа мы не можем. Нам остается ждать. Единственное, что нам остается – не прозевать его появление. В прошлом такое ведь случалось, иногда проходили десятилетия, даже столетия, прежде чем распознавали нового философа. Кроме того, важно поддерживать среду интереса к философии, философских обсуждений, споров, которые бы способствовали появлению и расцвету философского дарования. В этом смысле наш Институт с его атмосферой интеллектуальной свободы творческой автономии является такой средой.

Что касается преподавателей (профессоров) и научных работников в области философии, то они вполне поддаются планированию, целенаправленной подготовке, применительно к ним можно говорить о критериях профессионализма. И здесь существует много проблем. Прежде всего, необходимо повышать уровень образованности, это касается знания языков, в том числе классических, историко-философской подготовки, а также овладения научными знаниями. В этом отношении за последние годы многое изменилось в положительную сторону, но все-таки еще не

оформились, не закрепились новые более высокие стандарты философского профессионализма и многое предстоит еще сделать. Другая задача – необходимо решительно повышать исследовательскую точность, и даже дотошность; у нас все еще часто исследование подменяется декларацией собственного мнения.

Ю.М.: Что касается разницы между декларацией намерений и реальным исследованием, то здесь я с Вами вынужден согласиться. К сожалению, распознать настоящего исследователя и отличить его от имитатора не всегда удастся. Всем известно, что многие рядятся в одежды философов, обзаводятся учеными степенями и званиями, но их вклад в развитие философского знания совсем не очевиден. Философом надо родиться. Но они рождаются не случайно, а в зависимости от многих факторов. По-видимому, время их появления в России еще впереди. А пока остается готовить им почву, занимаясь тем, что мы умеем лучше всего – анализом и обобщением представлений. В.М. Межуев справедливо называет исследователей и интерпретаторов в философии философоведами. Кто-то же должен вести исследовательскую работу.

Но есть и другая сторона медали – скромность, нежелание раньше времени представлять результаты своих исследований. Мне кажется, что некоторым нашим коллегам, имеющим репутацию добросовестных и профессиональных исследователей, не хватает поддержки со стороны руководства. Несмотря на свой талант, они не обладают «пробивными» способностями и остаются в тени. Жаль, что у нас так и не сложился институт менеджеров науки, который смог бы помочь талантливым исследователям в создании условий для их творчества и презентации его результатов.

Теперь об этике философа. У каждой профессиональной группы имеется в том или ином виде моральный кодекс специалиста. Есть такой кодекс у социологов, антропологов и других специалистов в области социально-гуманитарного знания. Но я что-то не слышал, что бы мы на своем философском конгрессе принимали кодекс философа. Что же означает для Вас профессиональная этика современного философа? Какие этические требования к личностным и профессиональным качествам философа Вы бы назвали в первую очередь?

А.А.: Кодекс философа, этика современного философа – нет-нет, ничего подобного я даже представить себе не могу. Не знаю, как это назвать – оксюморон, противоречие определения, пустое утверждение и т.д.? На мой взгляд, это что-то невообразимое.

Ю.М.: Между тем такие кодексы (наборы требований к профессиональной этике исследователя) существуют в любой области научного знания. Чем же интересны философы отличаются от них? Любые научные и гуманитарные сообщества вырабатывают определенные правила, а также регулируют отношения между своими членами. Лучшие уж этим они будут заниматься, чем бюрократия в науке.

Абдусалам Абдулкеримович! Мы находимся с Вами в уникальном академическом учреждении, пожалуй, самом крупном в мире научно-исследовательском институте по философии. У нас работают представители разных поколений в философском сообществе.

Во-первых, имена многих наших коллег уже вписаны в историю отечественной философии. Обращаясь к молодому поколению, что бы Вы сказали о критериях успеха человека на философском поприще? Каким должен быть настоящий философ?

Во-вторых, приток представителей талантливой молодежи в наш институт остается пока незначительным и зависит не только от их требований к социально-экономическим условиям, но и от нежелания и консервативного настроения многих сотрудни-

ков старшего поколения. Далеко не все (а на самом деле – 10-15 человек на весь институт) хотят работать с молодыми исследователями. А еще меньше наших коллег (считанные единицы) умеют это делать. Как преодолеть консерватизм и нежелание работать с молодежью многих сотрудников института?

А.А.: С притоком молодых пока у нас больших проблем нет. Мы берем людей штучно, внимательно взвесив научный потенциал и уровень образованности. И это правильно. Наша задача – не потерять талантливых, мотивированных на исследовательскую работу молодых людей, которые хотят попасть в Институт. Пока это нам удается. Обновление Института – наша стратегическая задача на последние пять лет моего директорства, которая была одобрена собранием научных сотрудников два года назад. Она решается, за последние несколько лет мы взяли более 20 человек в возрасте около 30 лет.

Взять сотрудника на работу – полдела. Надо еще создать для них условия для работы, возможности роста. С этим у нас также все более или менее нормально. Молодые научные сотрудники активно работают, растут, пишут книги (только в прошлом году шестеро из них опубликовали свои первые монографии).

Проблема – в другом. Молодые держатся как-то особняком, сохраняется некоторая отчужденность от старшего поколения, не человеческая, не личностная, а содержательная отчужденность. Вы эту проблему правильно заметили. Только я не думаю, что дело здесь в нежелании представителей старшего поколения, как Вы выражаетесь, «работать с молодежью». Я не понимаю, что означает в нашем деле «работать с молодежью». Может, молодежь должна «поработать» со старшим поколением. Вряд ли относительную обособленность наших сотрудников молодого поколения и старших поколений можно объяснить также естественными психологическими и ментальными различиями.

Причина, как я ее вижу, имеет иную природу, она связана с содержательными вещами и упирается не в старшее поколение, которое якобы не проявляет любопытства к поколению младому, а в самом сегодняшнем молодом поколении философов. Дело в том, что достоинство молодых не может заключаться в одной молодости. Они не несут с собой новых идей, нового взгляда на философию, и не несут новой социальной энергии, не осознали еще, что они ответственны за состояние философской культуры в России. Они, если хотите, не оказывают давление на старшие поколения, в них нет дерзости. Может быть, как это ни покажется странным, одна из причин состоит в том, что им все достается сравнительно легко, степени, должности, им не приходится пробиваться в философское сообщество через должности лаборантов, секретарей, помощников, машинисток (первая официальная должность одного из самых ярких сегодня отечественных мыслителей Э.Ю. Соловьева).

Что я пожелаю молодым работникам на nive философии? Больше страсти. И еще: то, что Вы пишете, будет интересно другим только в том случае, если это интересно Вам. Ищите собственного одобрения прежде одобрения других.

Ю.М.: *Вы совершенно правильно отмечаете, что мало взять на работу молодого сотрудника, надо еще создать условия для его профессионального роста. Молодым нужна, прежде всего, среда творческого общения, в которой он мог проявить себя. Нужны также постоянно действующие научные школы и исследовательские мастерские. А у нас, кроме института традиционного соискательства и аспирантуры, нет других центров научной активности, где бы велась систематическая и каждодневная проектная*

работы. Отделы и сектора работают в привычном для них режиме — составляют планы и готовят отчеты, проводят время от времени плановые научные мероприятия. Научные гранты не в счет. В лучшем случае под них создаются временные творческие коллективы. А молодым исследователям нужна долговременная перспектива. Причем привычные для нас многочасовые заседания, на которых обсуждаются те или иные проблемы, их не устраивают. Им подходят гибкие и мобильные формы работы, например, клубные образования, в которых складывается неформальная атмосфера.

Почему бы нам не инициировать создание философских клубов и проектных бригад по отдельным исследовательским направлениям? Здесь нужна добрая воля руководства и минимум ресурсов (помещение, информационная поддержка и пр.). А молодые сами потянутся и придут на огонек. Есть только одно препятствие: у нас не так много найдется в институте сотрудников среднего и старшего поколения, которые смогут вести клубную работу с молодыми исследователями.

Ждать же от молодых сотрудников инициативы и желания «поработать со старшим поколением», увы, не приходится. Столько лет у них отбивали стремление жить и работать по своим меркам. В конце концов, они к этому привыкли и перестали проявлять активность даже в тех ситуациях, где она востребована. Поэтому их отчужденность обусловлена нашей обособленностью и нежеланием менять устоявшийся формат отношений с ними. Откуда же у них возьмутся социальная энергия и дерзость, если мы до конца не выполнили перед ними свою миссию — не заложили фундамент философской культуры в современной России? И многие ли из нас несут в себе новые идеи в философии и тем самым указывают путь подрастающему поколению?

А может быть всё дело заключается в нашей инертности, пассивности и страхе перед переменами? Слишком прочно обосновалось сегодня старшее поколение на всех постах философских учреждений, чтобы у молодежи возникло стремление «пробиваться», как Вы говорите, через должности технических работников, чтобы в итоге получить шанс заниматься малооплачиваемой, хотя и интересной (с нашей точки зрения) работой.

Думаю, что причины такого положения дел лежат еще глубже, причем не в глубинах коллективного бессознательного, которое сегодня дает сбои, а в нарушении механизмов преемственности в научном и философском сообществе, отсутствии четкой и реалистичной научной политики, широкомасштабном наступлении бюрократии на академические права и свободы научных сотрудников и учреждений и т.д.

Абдусалам Абдулкеримович! Как опытный руководитель научного коллектива Вы имете четкие представления о нормах (правилах) и общепринятых **моделях общения** в сообществе. Как Вы думаете, нормы и модели коммуникаций, сложившиеся в философском сообществе, чем-то принципиально отличаются от подобных установок в собственно научной (гуманитарной или естественнонаучной) среде. Какие модели поведения научного сотрудника нашего института Вы считаете несовместимыми с этикой философа?

А.А.: Мне трудно сравнивать. Нет опыта. Я знаю только философский факультет МГУ им. Ломоносова, где учился, защищался, проработал 22 года, и наш Институт, где тружусь последние 25 лет. Могу сравнивать только эти два коллектива, но не это вас интересует.

Ваш сакраментальный вопрос: «Какие модели поведения научного сотрудника нашего института Вы считаете несовместимыми с этикой философа?» Мне не хочется уходить от него с помощью дипломатических приемов. Когда в 1987 году я

пришел в Институт заведовать сектором этики, меня удивило, что в Институте отчитываются написанными и опубликованными текстами, но в то же время я увидел некоторых сотрудников, которым просто нечего сказать, да и нет у них желания что-либо сказать, но, тем не менее, они вынуждены делать вид, даже сами начинают верить в то, что они о чем-то размышляют, что им обязательно надо писать статьи, книги, публиковаться.

Пожалуй, единственно неприемлемой в поведении научного сотрудника нашего Института является ситуация, когда он говорит и пишет, хотя ему на самом деле нечего сказать, но он вынужден в рамках своих функциональных обязанностей говорить и писать. Плохо, если он это делает намеренно и цинично, намного хуже, когда он начинает думать, будто он философствует, занят полезным и нужным «обществу» (ему не нужно, а «обществу» нужно!) делом. Полностью в наших условиях устранить такие ситуации трудно, но минимизировать необходимо. Самое важное в руководстве таким Институтом, как наш, состоит в том, чтобы уметь отделять зерна от плевел.

Однажды у меня был разговор с одним очень «современным» заместителем Министра, который был уверен, что РАН надо передать в руки эффективных менеджеров. Я предложил ему представить себе, что он, а не я является директором нашего Института. Я также признал, что все, что касается материального обслуживания Института, рациональной организации режима работы, всех хозяйственных, финансовых и прочих прагматических аспектов директорского труда, он будет делать лучше, чем я. Но ведь все это делается в расчете на качество философского исследовательского труда. И вот представьте себе, сказал я, что Вам надо оценить, например, два специальных, написанных философским языком и на философскую тему текста — сможете Вы это сделать или нет? Надо отдать должное моему собеседнику: он признал, что он не сможет этого сделать. Но тем самым он опроверг сам себя. Его заключение было таким: «Да, пожалуй, Институт философии нельзя передавать в руки эффективных менеджеров, но другие институты можно».

Ю.М.: Позвольте отреагировать на Ваши слова. Термины «эффективный менеджмент» и «оптимизация», используемые на каждом шагу бюрократами всех мастей, в последние годы стали нарицательными. Всё, за что берется отечественная бюрократия, тут же обрастает тиной или рушится, превращаясь в прах. По-видимому, есть что-то мистическое и деструктивное в её псевдодеятельности.

Я не знаю, как у Вас, а меня не покидает мерзкое чувство от ощущения бездействия и беспомощности, которое я испытываю при столкновении с деструкцией, осуществляемой в сфере науки и образования (и не только) по инициативе властей. «Другие институты», в т.ч. Российский институт культурологии, Институт искусствознания, Институт природного и культурного наследия и другие ведомственные учреждения Министерства культуры уже переданы в руки засланных казачков или так называемых «эффективных менеджеров». Их целенаправленный и окончательный развал — дело ближайшего времени. Де-юре они остаются, а де-факто их уже нет. Причем отставания автономии научных коллективов и творческой инициативы не наблюдается. Ведь первое, что предпринимают так называемые эффективные менеджеры, это — смена команды и разрушение «ядра» коллектива. Так, прежнее руководство и значительная часть научных сотрудников этих институтов, имеющих профессиональные и личные достоинства, уволены.

Мой неутешительный прогноз таков: на очереди ожидается «оптимизация РАН», которая завершится ее поэтапным разгромом, если мы не будем сопротивляться. Вот такая получается «социальная инженерия» у околонучной бюрократии, отнюдь не по Попперу.

Теперь о том, что Вас не устраивает в модели имитации научной деятельности, которой придерживаются некоторые научные сотрудники института. Здесь речь идет, на мой взгляд, о «внутринаучной» бюрократии и особом типе карьеры. Вы правильно говорите, что бороться с этим сложно. Возможно, это не первоочередная задача, поскольку над всеми нами нависла общая угроза. Но бороться с этим нужно не только формальными средствами (аттестация и пр.). Один из возможных путей — ставка на команду профессионалов в руководстве отделами и секторами, которые, полагаясь на свой опыт и интуицию, смогут изменить под Вашим руководством кадровую ситуацию к лучшему. Ведь главное, что не могут имитировать лжефилософы — это жить и работать в соответствии со своими взглядами и убеждениями. А это видно невооруженным взглядом.

Но есть и внешняя угроза для академической философии и науки. Будучи заместителем директора РИК по научной работе, я неоднократно предлагал директору, не дожидаясь решений сверху, самим провести реорганизацию института и укрепить свои позиции по ряду актуальных проблем. Проблем накопилось много, в т.ч. с кадрами. Он отвечал мне каждый раз, что пока ему не скажут сверху, что конкретно делать, будет продолжать оттягивать до последнего момента непопулярные решения. Так и не сказали, но как только подвернулась ситуация (проверка финансово-хозяйственной деятельности института), прислали засланного казачка, якобы в целях усиления руководства института, который тут же принялся разгонять прежнюю команду и ставить своих людей, не имеющих отношения к науке.

Стоит ли ждать, когда «петух клюнет»? Может быть лучше заблаговременно подготовиться к обороне? Брестская крепость, находясь в полном окружении, выстояла несколько месяцев после начала войны. А то, что бюрократия объявила нам (всем представителям гуманитарной интеллигенции) войну, у меня лично никаких сомнений нет. А на войне, как на войне...

А.А.: *Может, я заблуждаюсь, но «заблуждение» мое состоит в том, что мы в последнее 20-летие живем в режиме свободного творчества и стремимся максимально (вопреки, как Вы правильно говорите, бюрократическому давлению, и я бы добавил: мешанскому цинизму) поддерживать этот режим. Я не могу, конечно, быть судьей в своем деле, но две вещи хотел бы подчеркнуть: не было ни одного случая, чтобы дирекция не поддержала какую-то инициативу научных сотрудников, не создала условия для того, чтобы ее опробовать; и очень мало случаев, когда мы не смогли взять в Институт молодых, хорошо подготовленных и мотивированных исследователей, (за почти 20 лет моего участия в руководстве Институтом было всего три таких случая, и все их я хорошо помню, и со всеми тремя Институт поддерживает хорошие творческие отношения).*

Ю.М.: *Абдусалам Абдулкеримович! Спасибо за предоставленную возможность выслушать Ваше мнение по волнующим вопросам и высказать собственную позицию.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. — М.: ИФ РАН, 2012.